

ми, в докладах политической полиции и на совещаниях Совета министров. «Я считал это досужей болтовней», — писал Шульгин, и он был близок к истине. Последним фрагментом этого плана было совещание, на котором присутствовали Родзянко, его помощник Некрасов, секретарь Думы Дмитриуков, депутат Савич и великий князь Михаил Александрович. Оно состоялось 27 февраля 1917 г., когда уличная демонстрация уже перерастала в победоносную революцию. «Великому князю сказали, что ситуацию еще можно спасти: он должен немедленно принять на себя диктаторскую власть в Петрограде, заставить министров подать в отставку и по прямому проводу потребовать от Его Величества манифеста о создании правительства народного доверия». Но даже такой половинчатый дворцовый переворот закончился одними разговорами: «нерешительность великого князя» испортила все. Из всех пунктов программы он выполнил только один: поговорил с царем по прямому проводу, получил решительный отказ и «сложил бессильные руки на пустой груди».

Глава 4

ДУМА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРИ

Как мы уже убедились, Дума пыталась всеми силами избежать революции. С первых шагов триумфального марша революции по улицам Петрограда Дума игнорировала ее. Рабочих, которые наводнили улицы, постепенно увлекал водоворот. То же происходило и с солдатами, стихийно объединившимися вокруг двух лозунгов: «Хлеба!» и «Долой войну!». Последний лозунг делал демонстрацию не просто чуждой Думе, но положительно враждебной ей. Дума знала, что осенний набор 1916 г. уже довел число рекрутов до тринадцати миллионов, что четыре миллиона жертв означали двадцать миллионов вдов, сирот и беспомощных стариков, поскольку среднестатистическая русская семья состояла из пяти человек. Она знала, что беженцы из оставленных губерний увеличивали бремя тех, кто был занят в производстве. Она знала, что финансы страны расстроены и концы с концами удаётся сво-

доть только с помощью инфляции, которая дезорганизует производство и торговлю. Она знала, что оборудование военной промышленности и транспорт изношены; иными словами, что экономика России трещит по швам, напрягает все общественные связи и злоеце обостряет все социальные антагонизмы. Но Дума имела дело только с одной формой стремления к миру: дворцовыми интригами, целью которых была сепаратная сделка между Николаем II и Вильгельмом II, означавшая для России лишь тупик реакции и вассальную зависимость русской Голштин-Готторпской династии, переименовавшейся в Романовых, от победивших Гогенцоллернов. Дума, боровшаяся с этой сепаратной сделкой, мобилизовала против нее общественное мнение, добавила к этому лозунги либерализма и патриотизма и не могла собственными руками уничтожить то, что создавала таким трудом, идя на все мыслимые и немыслимые моральные и политические жертвы. Настроение масс делало требование мира *революционным* лозунгом, призывавшим рабочих всех стран объединиться и положить конец «военным забавам» их правителей. Для Думы это стало новой утопией, непостижимой и неожиданной. Данное движение не могло вдохновить депутатов; оставалось только не обращать на него внимания.

Поэтому Думе предстояло остаться на мелководье, забытой всеми, не способной на союз с народом, отвергнутой самодержавием и никому не приносящей пользы. Но тут ей на выручку нечаянно пришло правительство. Когда уличные демонстрации достигли своего пика, правительство издало указ о роспуске Думы. Внезапно петроградские улицы облетела весть: Дума отказалась «распуститься»! Для всех недовольных, которые еще колебались, и всех тех, кто начинал сомневаться в прочности правительства, которое они защищали, это стало последней каплей. Первые благодаря стадному инстинкту присоединились к движению в поддержку Думы, а вторые, парализованные отсутствием веры, покинули тонущий корабль государства.

Однако отказ Думы «распуститься» был всего лишь легендой. Да, левые депутаты призывали к такому отказу. Но «отказ подчиниться монарху означал бы, что Дума разворачива-

ет знамя мятежа и возглавляет этот мятеж со всеми вытекающими отсюда последствиями, — писал Шульгин. — Родзянко и подавляющее большинство думцев, включая кадетов, были абсолютно не способны на такое». Это стало ясно во время собрания руководящего комитета «прогрессивного блока», на котором «никто не предложил ничего стоящего внимания».

Дума решила подчиниться царскому указу о роспуске и признать, что она прекратила существование. Однако члены Думы договорились не расходиться, а тут же провести «частную конференцию». Чтобы не путать «частную конференцию» с официальной сессией Думы, они перешли из большого Белого зала в меньший Полукруглый. Все радикальные предложения были отвергнуты подавляющим большинством голосов. Общую резолюцию торпедировал Милюков. Он рекомендовал очень осторожно относиться к каждому поспешному решению, особенно в обстановке, когда еще неизвестно, пало ли прежнее правительство и насколько серьезным будет народное движение. Этой «конференции» едва хватило времени, чтобы избрать «временный комитет», который позже, стремясь придать ему большее значение, стали называть «Временным (а иногда даже Исполнительным) комитетом Государственной думы». На самом деле такого органа не существовало в природе. Был только «комитет *частной конференции*». Он носил более длинное и неуклюжее название — «Временный комитет для связей с отдельными лицами и учреждениями по вопросу восстановления общественного порядка и спокойствия в столице» или что-то в этом роде.

Однако когда распространилась новость о роспуске Думы и ее отказе подчиниться царскому указу, к Таврическому дворцу устремились тысячи людей, если не десятки тысяч. По словам Милюкова, Думе было достаточно стать «центром, знаменем и лозунгом» движения, чтобы это «бесформенное и беспредметное движение» превратилось в настоящую революцию. Согласно Шульгину, члены Думы, которым выпала эта миссия, «были встревожены, возбуждены и, если так можно выразиться, духовно сплотились... Даже многолетние враги внезапно почувствовали, что всем им грозит что-то опасное,

зловещее и одинаково отвратительное... Этим «чем-то» была...
«Уличная толпа»

Толпа. О да, конечно, смотреть на нее неприятно. Крестя́нские армяки, солдатские шинели, кожаные куртки, кепки, грязные сапоги... Толпа пахнет не духами, а смолой, овчиной и потом. Ароматный дым турецких сигарет и гаванских сигар перешибает едкая вонь плебейской махорки. Но зато в этой толпе нет ни болтунов, ни высокомерных политиков, ни изнеженных трусов, способных лишь на то, чтобы с царского разрешения пересесть из кресла депутата на министерскую скамью. Эту толпу неделю с лишним полиция расстреливала из пулеметов, разгоняла ее шашками и выстрелами из револьверов, но та собиралась вновь и вновь. Она уже доказала, что может приносить себя в жертву. Теперь она прошла новое крещение в купели революции. Эта «чернь» была святой чернью, способной на бессмертные подвиги. Она хотела, чтобы ею руководил кто-то мудрый, добрый, знающий и опытный. Но горе тому, кто пытался обмануть ее или с презрением отставить в сторону, как ненужную лестницу.

И как же Дума приветствовала эту толпу?

«Я помню миг, — пишет Шульгин, — когда Думу затопил черно-серый осадок, нескончаемым потоком валивший во все двери. С первого момента этого вторжения моя душа наполнилась отвращением... Я чувствовал себя беспомощным и оттого злился еще сильнее. Пулеметы!»¹

Если Дума не желала идти к революции, то революция сама пришла к Думе в виде вооруженных людей. Это были организованные представители революции, Советы рабочих депутатов, избранные на фабриках после 21 февраля и сами явившиеся в Таврический дворец. Думе оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре. Легенда об отказе подчиниться указу о роспуске постепенно привела к беспрецедентной и двойственной ситуации. Прибывали военные отряды, открыто бросившие того самого царя, которому Дума решила подчиниться даже после декрета о собственном роспуске. Они подтвердили свою преданность революции, представленной Думой, которая дрожала от ужаса, сталкиваясь с ней. Толпа приветствовала Родзянко громкими криками.

И тут настал момент, когда Родзянко сказал себе:

«Я не хочу восставать. Я не мятежник, я не делал и не желаю делать революцию. Если она произошла, то лишь потому, что люди не пошли за нами... Я не революционер. Но с другой стороны... Правительства нет. Министры бежали. Найти их невозможно. Ко мне со всех сторон спешат люди. Что я должен делать? Отступить? Оставить Россию без правительства?»

Правые, даже думская фракция националистов, призывали Родзянко принять решение: «Берите власть. Это не восстание. Берите ее как лояльный верноподданный. Есть только два выхода: либо все закончится, император назначит новое правительство и мы передадим ему власть. Но если мы не возьмем власть, она достанется этим малым, которые уже выбрали на своих фабриках каких-то мерзавцев».

«Революционер поневоле», камергер двора, горько оплакивавший весть о том, что министр внутренних дел князь Голицын бросил борьбу и подал в отставку, пытался взять власть, чтобы прийти к какому-то соглашению с царем и остановить революцию.

Нет ничего более красноречивого, чем документы из архива генерала Рузского, описывающие переговоры Родзянко с царем и ставкой.

27 февраля Родзянко телеграфировал командующему Северным фронтом генералу Рузскому о волнениях в столице, неспособности властей восстановить порядок и необходимости, чтобы царь немедленно создал новое правительство под руководством «того, кому могла бы доверять вся страна». «Промедление невозможно, промедление — это смерть, — написал Родзянко в таком же послании к царю и добавил: — Я молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на правителя». Прочитав телеграмму, царь сказал: «Опять этот толстяк Родзянко пишет всякую чушь, на которую я даже отвечать не стану». Родзянко послал ему вторую телеграмму: «Ситуация ухудшается. Необходимо принять меры, потому что завтра будет уже поздно. Пришел последний час, решается судьба родины и династии». 27 февраля к Николаю II обратился и его брат Михаил. Ответ был таков: «Спа-

сибо за совет, но я сам знаю, что должен делать». Наконец военный министр Беляев, который до того обещал заставить подчиниться всех и вся, мрачно сообщил из Петрограда, что «с несколькими полками, которые еще верны своему долгу», он ничего не может сделать и что «многие части уже присоединились к восставшим». Он требовал «скорейшего прибытия необходимого количества действительно боеспособных частей». Генерал Рузский почтительно обратился к царю со следующим предложением: «Репрессивные меры лишь обострят ситуацию», потому что армия на фронте «отражает настроения страны» и ее смогут удовлетворить только «немедленные меры». В ответ царь послал в Петроград ставленника Распутина и императрицы генерала Иванова с двумя батальонами георгиевских кавалеров. Северному и Западному фронтам было приказано выделить в распоряжение генерала Иванова пулеметную бригаду, два пехотных и два кавалерийских полка, «на которые можно положиться», во главе с «решительными генералами»*.

На следующий день, 28 февраля, начальник штаба главнокомандующего генерал Алексеев сообщил командующим фронтами, что царь (который волновался за императрицу и детей и нуждался в ее совете) отбыл в Царское Село и что хотя Петроград полностью или почти полностью в руках восставших, тем не менее важно, чтобы «части сохраняли верность своему долгу и присяге». В тот же день Алексеев прислал другую срочную телеграмму. Ему показалось, что обстановка в Петрограде меняется к лучшему:

«Временное правительство под председательством Родзянко, собравшееся в Государственной думе, предложило командирам воинских частей выполнять его приказы, направленные на восстановление порядка. В обращении к народу, распространенном Временным правительством, подчеркивается важ-

* *27 февраля командир батальона георгиевских кавалеров генерал Пожарский собрал своих офицеров и сказал им, что по прибытии в Петроград не выполнит приказа стрелять в людей, даже если этого потребует генерал Иванов» (Блок. Указ. соч. С. 41). Обмен телеграммами Родзянко и Рузского показывает, что первые два эшелона солдат, посланных с Северного фронта в Петроград, восстали и решили не пропускать даже царский поезд. С другими частями дело обстояло не лучше.

ность сохранения монархии для России, указывается на необходимость новых выборов и назначения правительства. Я с нетерпением жду прибытия Его Величества, чтобы подать рапорт с просьбой удовлетворить желание народа. Если эта информация верна, то способ ваших действий меняется; умиротворение будет достигнуто с помощью переговоров».

Однако информация оказалась неверна. Никакого Временного правительства еще не существовало. Благие намерения думских лидеров были восприняты как факт. 1 марта прибыла совсем другая новость. Начались беспорядки в Кронштадте. Контр-адмирал Курош был беспомощен и «не мог поручиться ни за одну часть». Адмирал Непенин не сумел помешать Балтийскому флоту присягнуть Думе. Москва была охвачена восстанием, войска перешли на сторону мятежников. Ставка тревожилась за царский поезд. В тот же день Северный фронт по прямому проводу сообщил в ставку: великий князь Сергей Михайлович настаивает, чтобы царь назначил Родзянко премьер-министром, пока не стало слишком поздно. Генерал Алексеев набрался мужества обратиться к царю с тем же предложением, так как «лидеры Думы во главе с Родзянко еще могут предотвратить общую катастрофу, но каждый час уменьшает последний шанс на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайне левыми элементами». 2 марта Алексеев узнал, что «гарнизон Луги перешел на сторону комитетчиков», а потому придется вернуть части генерала Иванова обратно на фронт. Но хуже всего то, что «вся семья императора находится в руках мятежных солдат, которые захватили Царскоесельский дворец». Царь телеграфировал Иванову, чтобы тот не предпринимал никаких мер до получения его личного приказа. Николай согласился вернуть части на фронт и разрешил генералу Рузскому начать телеграфные переговоры с Родзянко, которого царь ждал для личной аудиенции.

Телефонные разговоры Рузского и Родзянко были очень любопытными. Сначала Рузский спросил, почему Родзянко отказался от поездки в Псков и личных переговоров с царем. Родзянко отговорился тем, что он «не мог оставить возмущенный народ без своего присутствия... Люди доверяют только мне и выполняют только мои приказы».

Однако на самом деле все обстояло куда прозаичнее. Железнодорожники отказались выделить Родзянко поезд без специального разрешения Исполнительного комитета (Совета рабочих депутатов). Когда Родзянко обратился к комитету, левая секция последнего ответила:

«Родзянко нельзя позволять ехать к царю. Мы еще не знаем намерений ведущих групп буржуазии, «прогрессивного блока» и думского комитета, и никто не может их гарантировать... Если на стороне царя еще есть какие-то силы, то «революционная» Дума, которая «перешла на сторону народа», наверняка договорится с царем задушить революцию. А то, чего царь не сможет сделать в одиночку, он легко достигнет с помощью Думы и Родзянко — иными словами, соберет войска и двинет их на Петроград, чтобы установить там «порядок»².

Сначала Исполнительный комитет отказал Родзянко, но после вмешательства Керенского все же выделил ему поезд. Однако было уже слишком поздно.

Заявление Родзянко «они доверяют только мне и выполняют только мои приказы» было чудовищным искажением истины. Возникает только один вопрос: хотел ли он таким способом увеличить свои шансы на пост премьер-министра или просто хвастался? Позже в воспоминаниях Родзянко описал свою неудачу с поездом и множество других подобных случаев. Когда группа солдат Преображенского полка привела к нему реакционного царского министра Щегловитова, Родзянко, «ошарашенный этой произвольной акцией, любезно пригласил Щегловитова пройти в кабинет». Изумленные дружеским отношением председателя «революционной» Думы к лидеру махровых реакционеров, «солдаты наотрез отказались освободить его», а когда Родзянко попытался «употребить власть», солдаты «тесно окружили своего пленника и чрезвычайно дерзко показали на свои винтовки». На следующий день экипаж Второго флота «нахально заявил», что Родзянко «нужно расстрелять как буржуя» и что «матросы приведут этот акт в исполнение без всякого сожаления».

Родзянко и другие лидеры Думы могли только мечтать о том, что они в состоянии руководить революцией и поймать

ее в свои дипломатические сети. Рыба была слишком велика для рыбаков.

Часть лидеров «прогрессивного блока» собралась на тайное совещание без участия вновь избранных членов Чхеидзе (отклонившего приглашение) и Керенского*. Гучков сразу приступил к делу:

«В этом хаосе мы должны прежде всего думать о спасении монархии. Видимо, нынешний монарх править больше не должен. Но можем ли мы спокойно ждать, пока этот революционный сброд уничтожит монархию? А это неминуемо случится, если мы выпустим инициативу из своих рук... Поэтому мы должны действовать тайно, быстро, не задавая вопросов и не слушая ничьих советов. Мы должны поставить их перед свершившимся фактом. Мы должны дать России нового монарха... Под этим знаменем мы должны собрать всех, кого можно... Сопротивляться! Мы должны действовать быстро и решительно!»

Он предложил отправиться к царю и убедить его отречься. Резоны Гучкова были просты:

«Я знал, что если он передаст судьбу династии в наши руки, это будет означать, что *никакой революции нет*. Император отречется от престола добровольно, власть перейдет к регенту, который назначит новое правительство. Государственная дума, которая подчинилась указу о роспуске и взяла власть только потому, что старые министры бежали, передаст власть новому правительству. Так что с точки зрения закона революции не будет...»

Сказано — сделано. На рассвете, когда «революционный народ еще спал», Гучков и Шульгин сумели убедить начальника вокзала дать им поезд и поехали добиваться «добровольного отречения».

Тогда генерал Рузский попросил Родзянко о новой услуге: сначала предложить Николаю доверить Родзянко сформировать правительство, которое будет отчитываться только перед самим царем, но постепенно добавить новое требо-

* Возглавлявшиеся ими группы социал-демократов и трудовиков не входили в «прогрессивный блок».

вание: правительство будет подчиняться законодательным органам.

«Его Величество и вы, — ответил Родзянко, — видимо, не понимаете, что происходит. Началась одна из самых страшных революций на свете, и справиться с ней будет очень нелегко... Возникла такая анархия, что Дума и я попытались взять власть в свои руки и руководить этим движением. К несчастью, добиться успеха мне не удалось. Страсти разгорелись так, что обуздать их нет никакой возможности. Войска полностью деморализованы. Ненависть к Ее Величеству Императрице достигла предела. Династический вопрос стоит очень остро. Чтобы избежать кровопролития, мне пришлось посадить всех министров, за исключением военного и морского, в Петропавловскую крепость, и я очень боюсь, что та же судьба ожидает меня самого».

Родзянко уже забыл свое предыдущее заявление: «Люди доверяют только мне и выполняют только мои приказы». Он забыл неприятный инцидент с солдатскими винтовками. Он приписывает народу собственную ненависть к царице, погубившей династию, и говорит не правду, а только то, что служит его целям. Когда генерал Рузский спросил, что означает фраза об «остроте династического вопроса», Родзянко «с болью в сердце» ответил: «Ненависть к династии дошла до предела... Слышны грозные требования, чтобы царь отрекся от престола в пользу сына, регентом при котором будет Михаил. В случае такой смены весь народ поддержит войну до победного конца... Я сообщаю вам это с искренней скорбью, но что делать! Прекратите отправку частей, потому что они не станут действовать против народа... У меня сжимается сердце, когда я вижу, что происходит».

Рузского это не убедило; впрочем, слова Родзянко вряд ли могли убедить кого бы то ни было. Если ненависть к династии «дошла до предела», то кто предъявляет «грозные требования» о замене Николая Алексеем и Михаилом? «На самом деле царь, царица, Алексей и Михаил были для восставших на одно лицо. «Хрен редьки не слаще», — говорили солдаты»³ Династия в целом так же, как самодержавие и война, вызывали у народа не равнодушие, а ненависть. Либо Родзянко не

понимал этого, либо не хотел расстраивать умеренно либерального генерала такими новостями. На вопрос о том, удастся ли успокоить людей обещанием создать правительство народного доверия, Родзянко ответил еще одной путаной речью: «Я сам вишу на волоске... Анархия зашла так далеко, что прошлой ночью я был вынужден назначить Временное правительство... Смена власти может быть добровольной и абсолютно безболезненной для всех, и тогда все кончится через несколько дней; я могу сказать только одно — кровопролития и ненужных жертв не будет. Я этого не позволю».

Здесь Родзянко выглядит настоящим диктатором, даже сверхдиктатором, якобы «назначившим» Временное правительство (на самом деле он был всего лишь кандидатом в премьер-министры, которого вскоре отвергли не только левые, но даже кадеты, предпочтя ему князя Львова), и в то же время человеком, «висящим на волоске». Однако даже в этой «висячей» позиции он все еще верит (или притворяется, что верит), будто может кому-то что-то «позволить» или «не позволить».

Военные власти в ставке и на разных фронтах не знают, что делать. Ставка больше не осмеливается сообщать новости о том, что происходит в Петрограде. Генерал Данилов сообщает генералу Лукомскому: «Вы с генералом Алексеевым хорошо знаете характер императора и то, с каким трудом от него можно добиться определенного решения; весь вчерашний вечер и часть ночи ушли на то, чтобы убедить его принять требование о назначении правительства народного доверия. Его согласие было получено только в два часа ночи». Теперь все эти усилия пошли прахом; царю предстояло принять еще более ответственное решение.

Генерал Алексеев спрашивает командующих армиями, какого те придерживаются мнения. Он напоминает, что «все перемещения и снабжение армии по железной дороге находятся в руках петроградского Временного правительства» и что лучше избежать «соблазна принять участие» в этом повороте, поскольку оно не приведет ни к чему, кроме краха армии. «Независимость России и династию» нужно спасти любой ценой, «даже если уступки окажутся очень большими». Первым откликается великий князь Николай Николаевич. Он

«коленопреклоненно» обратится к царю, заклиная его «святой любовью к России и цесаревичу», и скажет: «Другого пути нет: осени себя крестом и вручи свое наследство ему». Генерал Брусилов также собирается просить царя «избежать неминуемых катастрофических последствий» и «спасти династию, передав престол законному наследнику». Генерал Эверт сообщает, что «армия в ее нынешнем состоянии не может подавлять внутренние беспорядки», что «прекратить революцию в столицах невозможно», а потому остается только один выход: принять предложение председателя Думы.

Выдержать этот перекрестный огонь Николай II был не в состоянии. Будучи не в силах связаться с женой, которая являлась его неизменным советчиком, и особенно узнав, что его сын и наследник находится в руках восставших и является заложником, царь впал в типичное для него состояние «манекена» и с каменным лицом подготовил ответ Родзянко. Ради России он готов на любые жертвы, а потому «согласен отречься от престола в пользу моего сына при условии, что тот останется со мной до совершеннолетия, а его регентом станет мой брат Михаил Александрович».

Именно в таком состоянии нашли Николая посланцы Думы Гучков и Шульгин. Когда Гучков начал объяснять необходимость отречения, генерал Рузский прошептал: «Этот вопрос уже решен. Вчера был трудный день. Была буря».

Гучкова ошеломила легкость, с которой Николай согласился отречься от престола. Вся сцена произвела на него «болезненное впечатление своей банальностью», и он заподозрил, что имеет дело «с ненормальным человеком, у которого понижены сознание и чувствительность». Придворные бормотали, что царь расстался с тронном так, словно речь шла «о передаче эскадрона солдат». Шульгин внезапно почувствовал, что «это была маска, а не настоящее лицо императора, что его настоящее лицо видели либо очень немногие, либо вообще никто». Беседа была краткой. «Спокойно, просто и точно», с «легким иностранным акцентом гвардейского офицера» Николай уладил проблему:

«Я решил отречься от престола. До трех часов дня я думал, что могу отречься в пользу моего сына Алексея. Но те-

перь изменил решение в пользу моего брата Михаила... Надеюсь, вы поймете отцовские чувства...»

Видимо, «нитью Ариадны», которая помогла Николаю выбраться из лабиринта, стали доставленные из Царского Села три письма императрицы, датированные 1, 2 и 3 марта. Она продолжала надеяться до последнего. Суть проблемы казалась ей ясной: «Две тенденции, Дума и революция, две змеи, которые, как я надеюсь, откусят друг другу голову, — вот что спасет ситуацию». Николай должен был терпеть и ждать. Императрица боялась, что в ее отсутствие Николая заставят даровать России что-то вроде «правительства народного доверия или конституции». «Это настоящий кошмар — думать, что тебя, не имеющего за плечами армии, могут заставить сделать что-то в таком духе». Царица с гипнотической настойчивостью твердит мужу: «Если тебя заставят пойти на уступки, ты ни в коем случае не будешь обязан выполнять свои обещания, потому что они были получены недостойными методами... Когда власть снова окажется в твоих руках, такое обещание не будет иметь силы... Если мы будем вынуждены подчиниться обстоятельствам, Бог поможет нам освободиться от них».

Трудно судить, насколько последний русский император разделял мысли и чувства своей политической Эгерии. Во всяком случае, царица не сомневалась в том, что отречение Николая в пользу Михаила было лишь маневром:

«Я прекрасно понимаю твои действия, мой герой! Я знаю, что ты не мог подписать ничего противоречащего твоей коронационной клятве. Мы понимаем друг друга так, что не нуждаемся в словах; клянусь тебе собственной жизнью, мы еще увидим тебя на троне, снова вознесенного твоим народом и твоими солдатами к славному царствованию. Ты спас своего сына, свою страну, свою священную чистоту, и (Иуда Рузский!) будешь коронован самим Богом на этой земле, в твоей собственной стране».

Эта неутомимая женщина хотела, чтобы ее муж сразу после отречения составил план реставрации. «Я чувствую, что армия восстанет... У тебя есть какие-нибудь планы?» — с лихорадочным нетерпением спрашивает она⁴.

Тогда для Гучкова и Шульгина была дорога каждая минута. Они не имели права вернуться слишком поздно: нужно было привезти народу и населению Петрограда нового царя. Кто будет этим царем, Алексей или Михаил, значения не имело. Генерал Данилов обратил их внимание на то, что отречение в пользу брата в обход малолетнего сына не предусмотрено законом о престолонаследии. Но делегаты резонно ответили: «Предположим, что это ошибка. Нам нужно выиграть время. Михаил процарствует некоторое время, а когда все утихнет, обнаружится, что он не имеет права царствовать, после чего престол перейдет к Алексею Николаевичу»⁵.

Иными словами, наследник, его отец и мать на время «выходили из игры». Расхлебывать заваренную ими кашу должен был великий князь Михаил Александрович. В случае неудачи он бы поплатился головой; в случае успеха все плоды достались бы другому. Корона, которую Гучков и Шульгин везли Михаилу, была настоящим «даром данайцев».

Их волновало только одно: как можно скорее поставить революционеров «перед свершившимся фактом». Они боялись, что могут прибыть слишком поздно и столкнуться с совсем другим фактом — Российской республикой, провозглашенной какими-нибудь «мерзавцами».

Делегаты вернулись с манифестом об отречении в пользу Михаила. На фронте еще распространяли предыдущий манифест о создании «правительства народного доверия». По телеграфу уже сообщили новость о «царе Алексее». Царский поезд двигался в направлении, противоположном направлению делегатов: в Могилев, где находилась ставка. А затем произошло следующее...

«Никто не знал, какие чувства боролись в душе Николая II, отца, монарха и человека, когда в Могилеве, глядя на Алексева усталыми добрыми глазами, он не слишком решительно сказал:

— Я передумал. Будьте добры, пошлите эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги четким почерком императора было написано согласие на то, чтобы трон занял Алексей.

Алексеев никому не показал эту телеграмму, чтобы «не смущать умы». Он хранил ее в бумажнике и передал мне [генералу Деникину. — *Примеч. авт.*] в конце мая, когда сложил с себя обязанности главнокомандующего»⁶.

Гучков и Шульгин, понятия не имевшие о новом повороте мыслей царя, примчались в Петроград. Гучков, которому не терпелось обрадовать народ сообщением о новом царе, пошел на огромный рабочий митинг в железнодорожных мастерских. Эффект был поразительный: рабочие хотели немедленно арестовать самозваного «переговорщика». Ему удалось сохранить свободу с большим трудом.

Тем временем в отсутствие Гучкова и Шульгина Милюков, говоривший в Екатерининском зале Таврического дворца о создании Временного правительства, попытался использовать тот же маневр. «Старый деспот, который довел Россию до полной разрухи, будет вынужден отречься от престола, иначе его свергнут. Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу. Наследником станет Алексей». Тут же начались крики и суматоха. «Как, опять старая династия?» Милюков поторопился исправить впечатление. Хотя он сам не испытывал любви к этой династии, но нарисовал картину России как парламентской конституционной монархии. Однако другие предпочитали республику. Диспут закончился предложением созвать Учредительное собрание с участием обеих сторон; мол, это позволит избежать гражданской войны. Но даже слух о временном сохранении старой династии подействовал на людей как взрыв бомбы. Тщетно Милюков пытался объяснить представителям демократических Советов, что Романовы не опасны, что из двух кандидатов на престол «один — больной мальчик, а другой глуп как пробка»⁷. «Поздно вечером в Таврический дворец ворвалась большая группа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не вернутся в части, пока Милюков не отречется от своих слов». Членам Временного комитета Думы других способов убеждения не понадобилось. Милюкову пришлось покривить душой и заявить, что его «слова о временном регентстве великого князя Михаила при наследнике престола Алексее отражают только его личное мнение»⁸.

Попытка спасти династию была готова закончиться полным фиаско. Большинство «прогрессивного блока» чувствовало, что пора бить отбой. На следующий день, 3 марта, члены Временного комитета и вновь созданного Временного правительства собрались в доме неудачливого претендента на трон, заранее согласившись оставить решение за Михаилом и не оказывать на него давления. Щедрое предложение брата не доставило великому князю никакого удовольствия. Бурный обмен мнениями все же состоялся. Хотя Милюков соглашался, что отречение царя не только за себя, но и за сына делает ситуацию очень уязвимой даже в законодательном смысле, это не мешало ему уговаривать Михаила принять корону. Им требовался символ власти, к которому привыкли массы; без него Временное правительство было бы «дырявой баржей». Конечно, всем присутствовавшим пришлось признать, что эта попытка связана с риском для великого князя, но игра стоит свеч. «Кроме того, за пределами Петрограда было вполне возможно собрать воинские части, необходимые для обеспечения безопасности великого князя»⁹. Роли переменялись: крайне левый член «прогрессивного блока» сейчас был более правым, чем его коллеги; его позиция доказывала, что представители Совета не зря отказывались выделить поезд для делегатов Думы. Ради спасения династии он был готов начать гражданскую войну. Шульгин с воодушевлением пишет:

«Серый от бессонницы, абсолютно охрипший от выступлений в казармах, он не говорил, а квакал, но квакал мудрые и глубокие слова... самые великие слова в его жизни: «Ваше Высочество, если вы откажетесь... это будет означать крах. Потому что Россия лишится своей оси. Монарх — это ось... единственная ось страны. Массы, русские массы... вокруг чего они сплотятся? Начнется анархия... хаос... кровавая мешанина... Монарх — это единственная, до сих пор единственная... концепция власти в России. Если вы откажетесь... некому будет присягать. Но присяга — единственный ответ, который может дать народ... всем нам... то, что делалось... делалось с его санкции, с его одобрения, с его разрешения... без такой присяги не будет ни России, ни государства! Не будет ничего»¹⁰.

Но поддержал Милюкова только Гучков.

«Нам было абсолютно ясно, — писал Родзянко, — что великий князь не процарствует и нескольких часов. В стенах столицы должна была пролиться большая кровь, которой было бы отмечено начало гражданской войны. Нам было ясно, что великого князя немедленно убьют вместе со всеми его сторонниками, потому что в его распоряжении не было надежных войск, а на армейские части рассчитывать не приходилось».

После общего обмена мнениями Михаил вызвал Родзянко в соседнюю комнату.

«Великий князь Михаил спросил, смогу ли я гарантировать ему жизнь, если он примет трон, и мне пришлось ответить отрицательно; повторяю, у меня не было частей, достойных доверия. Даже тайно вывезти его из Петрограда было невозможно: из города не выпускали ни одного автомобиля, ни одного поезда»¹¹.

Великий князь удалился, чтобы подумать. Потом он вернулся и начал говорить. «В данных условиях я не могу принять трон, потому что...» Не закончив фразу, он заплакал. Милюков и Гучков сказали, что после всего случившегося они и хотели бы вернуться во Временное правительство, но теперь не могут оставаться его членами. «Заговорщик» и «дворцовый революционер» Терещенко грозил застрелиться. Только Керенский испустил вздох облегчения: он с трудом нашел солдат для охраны дома великого князя, и можно было с минуты на минуту ждать вторжения какой-нибудь революционной части. Все было кончено. Михаил подготовил манифест, в котором заявил, что «примет государственную власть» только в том случае, если ему ее предложит Учредительное собрание.

И думские «революционеры поневоле» расстались, в конце концов признав общей платформой созыв Учредительного собрания. Позже Шульгин вспоминал:

«Если бы два дня назад кто-нибудь сказал мне, что я буду слушать это требование [о созыве Учредительного собрания. — *Примеч. авт.*] и не возражать, даже понимая, что другого выхода нет; если бы кто-нибудь два дня назад сказал, что я собственноручно напишу отречение Николая II, я на-

звал бы его сумасшедшим или подумал, что сумасшедший я сам. Но сегодня я не мог возражать. Да, Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Им снова пришлось договариваться со ставкой. Там даже не слышали об Учредительном собрании. Там начали распространять милостивый манифест о правительстве народного доверия. За ним последовал еще более милостивый манифест об отречении от престола. Сначала им предстояло объявить царем малолетнего Алексея, но по пути из Могилева в Петроград Шульгин сообщил всем, кому мог, о царе Михаиле II. Теперь нужно было все начинать сначала.

Снова на одном конце прямого провода Родзянко, а на другом — генерал Рузский. Родзянко просит Рузского не публиковать манифест о передаче царской власти Михаилу:

«— Люди примирились бы с его регентством и передачей трона цесаревичу, но провозглашение Михаила императором абсолютно неприемлемо... Мы с величайшим трудом сумели удержать революционное движение в границах приличий, но ситуация пока не нормализовалась и гражданская война еще возможна.

Рузский с мрачной иронией отвечает:

— Какая жалость, что вчера делегаты сами не знали, чего они хотят.

— Винить делегатов не приходится, — говорит Родзянко и начинает выгораживать себя, мешая правду с ложью: — Неожиданно солдаты подняли мятеж, равного которому я никогда не видел. Точнее, не солдаты, а мужики от сохи, предъявившие все свои мужицкие требования. Мы только и слышим, как толпа кричит: «Землю и волю!», «Долой династию!», «Долой Романовых!», «Долой офицеров!». И во многих частях действительно начали убивать офицеров. К ним присоединились рабочие, и анархия достигла своего апогея».

На самом деле за прошедшие дни никакого изменения к худшему не произошло, но теперь Родзянко и другие начинали понимать суть происходящего; «апогея» анархия достигла только в их воображении. Родзянко противоречит себе. Сначала он пугает своего собеседника: «Провозглашение Ми-

хаила императором только подлило бы масла в огонь, после чего началось бы беспощадное истребление... Мы потеряли бы всю власть, и некому было бы подавлять народные волнения». Но потом вновь подает ему надежду: «За ночь солдат мало-помалу удалось призвать к порядку... Верховный совет [несуществующий орган. — *Примеч. авт.*] будет действовать до конца войны... вместе со Временным правительством». Однако «реставрация династии вполне возможна», потому что «обязательно будет одержана решительная победа», после которой поднимется «волна патриотических чувств».

Но генерал Рузский по-прежнему желает знать, как обстоит дело с правительством и что делать с царским указом о назначении Николая Николаевича главнокомандующим. Родзянко отвечает, что «препятствий для опубликования указа нет» и что армию можно доверить одному из самых влиятельных членов царской династии. И действительно, никто против этого не возражал, потому что указ скрыли от мятежного Петрограда. Отвечая на вопрос о правительстве, Родзянко снова говорит о «Верховном совете, правительстве народного доверия, работе законодательных органов вплоть до решения Учредительного собрания относительно конституции». Когда Рузский спрашивает, является ли Родзянко председателем Верховного совета, тот поправляется: на самом деле речь шла о Временном комитете Думы, которую он возглавляет.

Следовательно, после неудачной попытки сохранить династию лидеры Думы мечтали создать на основе «Временного комитета» их частной конференции Верховный совет, которому принадлежала бы вся власть в стране. Они мечтали восстановить монархическую Думу, которая смиренно подчинилась указу о роспуске, и даже монархический Государственный совет, возложив на революционное Временное правительство ответственность за все прошлые неудачи.

Что решила ставка после этого обмена мнениями? Генерал Рузский сделал два предложения: 1) отдавать приказы командующим армиями должна только ставка, а не правительство; 2) для восстановления порядка все командующие должны оставаться на своих постах, поскольку «они являются единственной авторитетной местной властью, к которой

каждый обращается за помощью». Иными словами, фронт должен был стать независимой республикой командующих до тех пор, пока «великий князь не примет на себя главное командование».

Даже этот самый умный из царских генералов искренне верил, что в эру революции армия и страна могут жить отдельно друг от друга. Он вел себя так, словно современная война не уничтожила понятие о солдате как постоянном обитателе казарм, заменив его понятием «человек с ружьем», связывавшим фронт и тыл тысячами прочных нитей; словно мышление солдат могло отличаться от мышления народа в период величайшей революции, которая неизбежно являлась величайшей духовной революцией!

Из беседы с Родзянко генерал Алексеев сделал вывод (который тут же сообщил командующим армиями), что «в Государственной думе и ее Временном комитете нет единства; левые партии, поддержанные Советом рабочих депутатов, приобрели большое влияние» и оказывают «сильное давление» на Родзянко; «рабочие депутаты распропагандировали части Петроградского гарнизона, в результате чего последние стали представлять опасность для всех, в том числе и для умеренных членов Временного комитета». Члены Думы разделяли враждебное отношение генерала Алексеева к этим явлениям. Но Алексеев отмечал, что «сообщениям Родзянко не хватает прямоты и искренности». У него была собственная информация о положении в Петрограде. «2 марта обстановка в Петрограде была гораздо спокойнее», «слухи об убийствах офицеров солдатами — полная чушь». Он даже подозревал бедного Родзянко в желании с помощью фальшивой информации «подтолкнуть представителей армии к принятию чрезвычайных мер». Алексеев уже мысленно готовил совещание командующих армиями, «коллективный голос» которых должен был помочь разработать меры, способные «повлиять на ход событий». Как сообщает генерал Лукомский, после отправки этой телеграммы Алексеев сказал: «Я никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, прислушался к ним и послал телеграмму командующим армиями об отречении царя».

Революция уже грозила вступить в конфликт с главным командованием, взгляды которого были еще более правыми, чем взгляды членов «прогрессивного блока». В свою очередь, «прогрессивный блок» следовал за революцией, сопротивляясь на каждом шагу и скрипя зубами.

На первый взгляд «прогрессивный блок» преуспел. С точки зрения закона революции действительно не было. Царь добровольно отрекся от престола в пользу Михаила, а Михаил отрекся от престола в пользу Учредительного собрания. Существовало Временное правительство (ниже мы рассмотрим, как и для чего оно было создано) во главе с князем Львовым. Но у Гучкова и Шульгина был указ царя, подписанный за час до отречения последнего, согласно которому «князь Г.Е. Львов назначался председателем Совета министров». Тот же фокус был проделан с назначением Николая Николаевича главнокомандующим. Однако это было еще не все. В архиве генерала Рузского хранится телеграмма, отправленная царю генералом Алексеевым. «Для обеспечения полного порядка и спасения столицы от анархии» Родзянко просит ставку «немедленно назначить командующим Петроградским военным округом смелого и энергичного генерала, популярного у населения и способного оказать на него влияние». От лица думского Комитета он предлагал генерал-лейтенанта Корнилова. Алексеев считал, что это может «успокоить столицы и восстановить порядок среди частей гарнизона». На телеграмме Николай написал: «Исполнить».

Короче говоря, делать революции было нечего: все уже обдумали и решили за ее спиной. После этого народ мог разойтись по домам. В юридическом смысле слова никакой революции не было вообще. Ее попросту исключили. Но оставалась маленькая неувязка: революция могла не понять, что ее исключили. Когда Шульгин обратил внимание Керенского, Милюкова, Родзянко и других на то, что Львова назначил премьер-министром царь, они «объяснили, что знали об этом, но тщательно скрывали, чтобы не подрывать авторитет князя Львова»¹².

Царское назначение генерала Корнилова, который должен был бороться с революцией и восстанавливать порядок, скры-

валось не менее тщательно. Только публикация архива генерала Рузского пролила полный или почти полный свет на последнюю фазу февральских событий 1917 г. и позволила восстановить попытку думских «революционеров поневоле» подавить революцию. Но революция обладала такой силой, что мимоходом смела все карточные домики, искусно построенные опытными в интригах политиками.

Сначала казалось, что Дума сумела почти полностью реализовать свои планы. Временное правительство, созданное из ее членов, было признано всеми. Однако есть один любопытный факт. Несколько царских министров, добровольно подвергшихся аресту, узнали по телефону о составе Временного правительства. Первым нарушил молчание Кривошеин, «старый волк» российского консерватизма.

Не обращаясь ни к кому в отдельности, он сказал:

— Это правительство имеет один серьезный... очень серьезный недостаток... Оно слишком правое... Да, правое. Пару месяцев назад оно бы удовлетворило всех. Это могло бы спасти ситуацию. Но сейчас оно чересчур умеренное. В этом его слабость. А сейчас требуется сила... Это, господа, уничтожит вашего большого ребенка, революцию, и нашу общую родину, Россию¹³.

Глава 5

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Во время революции 1917 г., как и революции 1905 г., цензовой демократии, основанной на ограничении избирательного права с помощью имущественного ценза, противостояла советская, или революционная, демократия, органы которой в обычное время оставались подпольными и, естественно, представляли собой всего лишь скелет. Эти тайные органы создали особый великолепный тип «профессионального революционера», который не занимался ничем другим, кроме революции. Такой революционер был своего рода бродячим апостолом социализма или странствующим рыцарем, защищавшим угнетенных и наказывавшим их обидчиков. Его университетом была

- ¹ Шульгин. Дни. С. 158, 163, 184.
- ² Суханов Н. Записки о революции. Т. 1. С. 244.
- ³ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 56.
- ⁴ Семейная переписка Романовых // Красный архив. 1925. Т. 4. С. 215-220.
- ⁵ Шульгин. Указ. соч. С. 271.
- ⁶ Деникин. Очерки... Т. 1. Ч. 1. С. 54.
- ⁷ Суханов. Указ. соч. Т. 1..С. 278—279.
- ⁸ Милюков. История... Т. 1. Ч. 1. С. 52.
- ⁹ Там же. С. 54.
- ¹⁰ Шульгин, Указ. соч. С. 297-298.
- ¹¹ Родзянко. Государственная Дума и февральская революция. С. 61—62.
- ¹² Шульгин. Указ. соч. С. 305.
- ¹³ Ломоносов. Указ. соч. С. 63.